

Глава 21. Та самая картина с розой

Лу Цунбай и Янь Шань наконец-то позволили себе расслабиться: никакой подработки, никакой учебы — только игры напролет всю ночь.

На город Т сегодня обрушился тайфун. С самого утра небо затянуло свинцовыми тучами, которые висели так низко, что, казалось, вот-вот раздавят крыши домов. Ветер завывал, предвещая бурю. В Четвертой средней школе занятия отменили еще в полдень, отправив учеников по домам до тех пор, пока стихия не утихнет.

Какой прекрасный повод легально посидеть в телефоне!

Янь Шань отвел душу: досмотрел все отложенные видео, вдоволь настрелялся в рейтинговых матчах и даже успел глянуть трансляцию профессионального турнира.

Лу Цунбай подсел поближе:

— Что смотришь?

— Киберспорт. Лесник из этой команды — мой любимый игрок, — Янь Шань сладко зевнул и глянул на часы.

Было уже начало десятого. Дел на вечер не осталось, можно пораньше завалиться спать. Старшеклассникам отдых жизненно необходим.

— Ты первый в душ или я? — спросил он соседа.

— Давай я, — ответил Лу Цунбай. — А ты еще поиграй немного.

— Идет.

Цунбай скрылся в ванной, прихватив сменную одежду. Минут через двадцать он вышел, окутанный облаком пара, вытирая мокрые волосы полотенцем.

— Янь Шань, твоя очередь! — крикнул он в сторону гостиной.

В ответ — тишина. Цунбай обернулся и обнаружил, что Янь Шань уснул прямо на диване. Он тихо посапывал.

«Неужели так вымотался?» — подумал Лу.

Водонагреватель работал, вода в трубах еще горячая — если выключить сейчас, а потом греть заново, выйдет лишний расход электричества. Лу Цунбай застыл в нерешительности: будить или не будить?

Он подошел к дивану и легонько толкнул друга в плечо:

— Янь Шань?

Тот зашевелился, но глаз не открыл.

— Сейчас пойду... дай еще пять минут... — пробормотал он сквозь сон.

— Не спи на диване, — настаивал Лу Цунбай. — Ветер усилился, в гостиной холодно.

За окном неистово бушевал тайфун. Оконные рамы дребезжали под напором стихии, из щелей тянуло ледяным сквозняком. Цунбай, только что из горячего душа, и то ощутил холод.

Он снова легонько тряхнул спящего:

— Иди в комнату, на кровати доспишь.

Янь Шань свернулся калачиком и невнятно выдавил:

— Ноги болят... шевелиться неохота...

Травмированная нога всё еще давала о себе знать. Лу Цунбай немного подумал, наклонился и спросил:

— Может, отнести тебя?

Янь Шань помолчал пару минут, а потом издал гулкое:

— Угу...

Лу Цунбай вздохнул. Он подхватил сонного друга под спину, помогая подняться. Янь Шань, мягкий, как кисель, тут же обмяк на спине Цунбая. Устроившись поудобнее, Шань удовлетворенно хмыкнул и провалился в глубокий сон.

Дотащив его до спальни, Лу аккуратно уложил «драгоценный груз» на кровать, выпрямил его больную ногу и укрыл одеялом. Но стоило ему потянуться к выключателю, чтобы уйти, как Янь

Шань, не открывая глаз, счастливо пробормотал:

— Спокойной ночи.

Лу Цунбай замер на пороге. Обернувшись, он не смог сдержать усмешки:

— Черт с тобой, спокойной ночи.

«Опять он меня развел, — подумал Лу. — Совсем я сегодня раздобрел. Сделал из меня бесплатного носильщика».

***

Вернувшись к себе, Лу Цунбай сел за стол и на какое-то время просто замер, глядя в пустоту. Перед ним лежал подарок на день рождения. Только сейчас он заметил, что в коробке была не только еда. На самом дне обнаружился небольшой футляр. Внутри на бархатной подложке покоились изящные серебряные запонки в виде гончих и зажим для галстука.

Лу Цунбай понятия не имел, как этим пользоваться. Он списался в WeChat с Юань Пэем и выяснил, что такие вещи надевают с деловым костюмом — например, на церемонию совершеннолетия. Вот только костюма у него не было. Придется копить.

Он взял запонку, рассматривая её на ладони. Тонкая работа. Даже без костюма под рукой Лу мог представить, как преобразится образ с таким аксессуаром. У Янь Шаня определенно был отменный вкус.

Бережно убрав футляр, Лу принялся распаковывать квадратный сверток. Внутри оказалась небольшая картина в рамке. На ней розы упрямо тянулись вверх, полные необузданной жизненной силы.

Задняя стенка рамки держалась неплотно, и когда Лу взял её в руки, картонка выпала. Перевернув рисунок, он увидел на обороте две строчки.

«... Я ведь правда не злился, неужели он так переживал?» — Лу Цунбай не знал, смеяться ему или плакать.

В памяти всплыл день их ссоры. Янь Шань признался тогда, что боится одиночества. И теперь Лу начал понимать. Возможно, Шань действительно до смерти боялся потерять друзей, а потому так тщательно готовил подарок и даже решил подарить картину, написанную собственной рукой.

На картине были розы — как в саду Маленького принца. Но в воображении Лу Цунбая почему-

то возник образ огненно-рыжего лиса, тихо сидящего посреди пшеничного поля. О розах есть кому позаботиться, у них есть принц. А лис всё еще ждет того, кто разделит с ним путь, — тот, готовый отдать всю свою преданность и тепло, лишь бы не быть одиноким.

Этот парень снаружи казался колючим и острым на язык, а внутри был таким же неприкаянным и одиноким, как и сам Лу.

Сердце Цунбая дрогнуло. Всё-таки им повезло, что теперь они живут вместе. Когда человек слишком долго живет один, в душе рождается горькая печаль — чувство, будто мир про тебя забыл. Найти товарища в такой ситуации — настоящее чудо.

Лу поставил рамку рядом с компьютером, чтобы видеть её каждый день. Посмотрев на нарисованные розы еще немного, он внезапно поймал себя на мысли: «А ведь Янь Шань очень славный. И милый».

Осознав, о чем думает, Лу Цунбай на мгновение окаменел, а потом пробурчал себе под нос:

— Что за странные мысли лезут в голову...

***

В школе открылась художественная студия, и у Янь Шаня начались специализированные занятия. Студия располагалась на четвертом этаже Здания арт-центра. Этажами ниже гремели вокал и танцы: во время занятий бой барабанов и звуки пианино заставляли пол ощутимо вибрировать.

Зато на четвертом этаже царил благодать. Ученики, выбравшие живопись и каллиграфию, самозабвенно трудились в тишине, а в воздухе витал густой аромат туши и масляных красок.

Щиколотка Янь Шаня уже почти не болела, он даже мог потихоньку ковылять на костылях, но врач настоятельно советовал не нагружать ногу до полного выздоровления, чтобы избежать повторного растяжения. А ведь студия на четвертом этаже!

За обедом Янь Шань поделился этой мелкой неприятностью с Лу Цунбаем. Тот, задумчиво покусывая палочки для еды, предложил:

— Я могу тебя носить.

Янь Шань едва не поперхнулся:

— С ума сошел? Брат Лу, я просто к слову сказал. Сам как-нибудь доползу.

— Но врач сказал — никакого движения.

Лу прикинул расписание и вынес вердикт:

— Студия открывается в два часа дня, а занятия начинаются в полтретьего. Я сначала отнесу тебя туда, а потом вернусь в класс. Уроки заканчиваются в 16:55, студия — в полшестого. Я могу подождать тебя у дверей и пока поделывать задания.

«Как так можно? — подумал Янь Шань. — Совсем уже совесть потеряю. У меня же нет ни единой причины так его эксплуатировать».

Он попытался отнекиваться:

— Честное слово, не нужно! Я справлюсь, вот увидишь.

Но Лу Цунбай был непреклонен:

— Твоя нога пострадала из-за меня, так что я отвечаю за тебя до победного конца.

На самом деле, не только из-за Лу. Там сошлись и нужды класса, и личная нелюбовь Янь Шаня к спорту. Но переубедить Лу Цунбая было невозможно: если этот «упрямый баран» что-то вбил себе в голову, он пойдет до конца. Он заявил, что его совесть буквально стонет от мук, и он просто обязан действовать. Янь Шаню пришлось сдаться.

***

Арт-центр состоял из четырех корпусов, образующих каре. В центре внутреннего двора раскинулись два цветника, а посередине росла огромная белая магнолия. Ранней весной на дереве набухли нежные почки, робко выглядывая из-под веток. Стоило лепесткам едва приоткрыться, как из чашечек вырвался густой, дурмящий аромат. Аромат мгновенно заполнил всё пространство вокруг, подобно чувствам, которые больше невозможно скрывать.

Лу Цунбай носил Янь Шаня на четвертый этаж уже несколько дней. Шань с удивлением отметил, что выносливость у соседа просто потрясающая: он взлетал по лестнице, даже не запыхавшись. Видимо, после того случая с обмороком Лу стал нормально питаться.

Спина у Цунбая была широкая и крепкая — сидеть на ней было одно удовольствие. Янь Шань вежливо сопротивлялся ровно два дня, а на третий уже сам активно карабкался на закорки к другу.

Юань Пэй, наблюдавший за этой картиной, скривился, словно от зубной боли. Что-то во всём этом казалось ему глубоко неправильным.

— Кхм... вы что, уже настолько сблизились, что брат Лу у тебя в качестве тягловой силы подрабатывает?

Лу Цунбай только что принес Янь Шаня из студии и бережно усаживал на место. Парни собирались ужинать. Лу прихватил в столовой две порции, открыл контейнер, разломил палочки и протянул Янь Шаню.

Попутно он ответил Юань Пэю:

— Ему трудно ходить, нужно войти в положение. Ничего страшного, врач сказал, скоро всё заживет.

Янь Шань, посчитав, что сидеть по диагонали неудобно, пропрыгал на одной ноге пару шагов и пристроился рядом с Лу Цунбаем. Теперь они сидели за одним столом, чем Шань был крайне доволен.

— Пэй-пэй, ты не прав. Мы теперь друзья — не разлей вода, — заявил наглец, принимаясь за еду. Он совершенно не чувствовал неловкости — даже за обед еще не заплатил, а Лу и не спрашивал.

Янь Шань подхватил палочками помидор из порции «яйца с томатами» и переложил в тарелку к Лу:

— Терпеть не могу помидоры.

Лу Цунбай послушно пододвинул свой контейнер, принимая «дар», и молча съел его. Юань Пэй смотрел на это, разинув рот.

Троица разговорилась о грядущем школьном фестивале искусств, программе радиоузла и конкурсе каллиграфии и живописи. Янь Шань, разумеется, собирался участвовать — рисование было его стихией. Лу Цунбай горячо его поддержал, сказав, что при таком таланте Шань обязательно возьмет приз.

Тот от похвалы даже засмутился:

— Да ладно? Думаешь? По-моему, я рисую весьма посредственно.

Лу серьезно кивнул:

— Правда. У тебя отлично получается.

Пока они увлеченно беседовали, Юань Пэй переводил взгляд с одного на другого и наконец обиженно пробурчал:

— Кажется, я тут лишний.

Вэнь Чжаочжао, вернувшись с обеда, увидела, что Янь Шань снова оккупировал её место и увлеченно болтает с Лу Цунбаем.

— Эх... — вздохнула она и покорно пошла садиться на место Шаня. Она уже окончательно к этому привыкла.

***

Художественная студия работала не каждый день: только во второй половине дня в пятницу, когда были кружки, а также по субботам и воскресеньям. Итого — трижды в неделю. Однако «сервис» от Лу Цунбая распространялся на все будни.

Накануне вечером перед сном Янь Шань высунул голову из своей комнаты и крикнул:

— А-Цэ!

Через секунду дверь соседней комнаты открылась, и показался Лу Цунбай с наушниками на шее — он как раз вел стрим. Выключив микрофон, Лу спросил:

— Что завтра на завтрак?

— Хочу чанфэнь, три мясные булочки и стакан соевого молока, — хихикнул Янь Шань.

— Понял, — ответил Лу.

На следующее утро Лу Цунбай, как обычно, встал в полшестого. Умывшись и одевшись, он отправился в школу, где ждал открытия столовой, параллельно заучивая тексты. Как только двери открывались, он покупал завтрак себе и Шаню. Затем шел в класс, открывал кабинет и садился за книги, попутно завтракая.

Янь Шань же был из тех, кто спит до последнего. Он влетал в школу в последние минуты перед звонком, и его имя было постоянным гостем в списках опоздавших у ворот. Этот парень был неисправимым «кошмаром дисциплины» и тяжелым случаем «утренней комы». Понятно, что купить завтрак сам он просто не успевал.

К тому моменту, когда Янь Шань вваливался за парту, как раз звенел предварительный звонок

на утреннюю самоподготовку. Шань с облегчением выдыхал: на столе его ждал еще горячий завтрак.

Он с лукавой улыбкой оборачивался к Лу Цунбаю и посылал ему воздушный поцелуй:

— А-Цэ, ты святой человек!

— Опять опоздал? — спрашивал Лу.

Янь Шань виновато улыбался, делая невинные глаза.

— Эх, ладно, — вздыхал Лу Цунбай.

На утренней самоподготовке ученики должны были читать вслух, а старосты — следить за порядком. Янь Шань больше всего любил дни, когда за литературу отвечал Лу Цунбай. Лу зачитывал пару текстов у доски, а потом спускался в проходы между рядами, проверяя класс.

Поравнявшись с местом Шаня, он увидел, что тот сидит, низко склонив голову под прикрытием учебника. Он подозрительно подрагивал. Лу приподнял книгу и обнаружил, что Шань вовсю уплетает завтрак, аппетитно причмокивая.

Янь Шань с набитым ртом поднял глаза на друга и умоляюще зашептал:

— Я умираю с голоду...

По правилам, есть в классе во время самоподготовки запрещено. Но правила — вещь гибкая. Янь Шань продолжал отчаянно моргать, пытаясь «подкупить» старосту.

— Ешь быстрее, — сдался Лу Цунбай.

— Слушаюсь! — просиял Шань.

Ел он с таким аппетитом, что любо-дорого посмотреть. Расправившись с чанфэнь, он закусил булочками и напоследок с блаженным видом допил соевое молоко, наконец-то созрев для учебы. Опомнившись, он заметил, что Лу Цунбай всё еще стоит рядом.

Янь Шань потянул его за рукав формы:

— Чего не идешь дальше?

Лу выразительно посмотрел на него и кивнул в сторону окна:

— Директор по учебной части.

Лу Цунбай прикрывал его собой от взгляда начальства. Янь Шань был тронут до глубины души. В результате — теперь на каждом дежурстве Лу Цунбая он втихомолку хомячил за партой.

— Хоть бы не так внаглую, — Лу Цунбай легонько стукнул его учебником по макушке. — Неужели нельзя жевать быстрее?

— Еда — дело серьезное, это отражение моего отношения к жизни. Тут спешка ни к чему, — философски заметил Янь Шань, запихивая в рот последний кусок булки и облизывая пальцы.

***

Завтракать можно было и в классе, но обедать приходилось только в столовой. Контейнер на вынос стоил один юань и двадцать фэней. Если брать его каждый раз, за месяц набегало прилично. Чтобы сэкономить, выгоднее было есть на месте.

Янь Шань мог бы и не экономить, к тому же ему с его ногой было тяжело карабкаться по скользким лестницам столовой. Но ему очень хотелось иметь компанию за обедом, поэтому он каждый день штурмовал столовую вместе с Лу Цунбаем. А заодно — присматривал, чтобы тот нормально ел.

«Обжора» Янь Шань, как обычно, брал двойную порцию риса, три блюда и еще умудрялся выпить порцию бесплатного супа. Глядя на поднос Лу Цунбая, он каждый раз закипал:

— И это всё? Не боишься снова в обморок грохнуться?

Лу улыбался:

— Не переживай, я обычно мало ем в обед, зато плотно ужинаю.

Пара ложек риса, овощи и из «серьезной» еды — только одно яйцо. Янь Шань смотрел на это с выражением крайнего скепсиса. Внезапно его осенило: он пододвинул свой поднос к Лу, отсыпал ему половину своей «рисовой горы» и мгновенно отпрянул, защищая тарелку руками.

— Что-то я сегодня пожадничал, — затараторил он. — Помоги уничтожить излишки.

— Янь Шань... ну правда, не стоит. Я наемся, — Лу Цунбай не знал, смеяться ему или спорить.

Но Янь Шань был непреклонен: «Словам мужчины верить — себя не уважать». Лу пришлось подчиниться.

Обедать с Янь Шанем было одно удовольствие. Он ел с таким упоением, как маленький поросенок, что аппетит просыпался у всех окружающих. За три дня таких совместных трапез Лу Цунбай впервые за долгое время почувствовал, что его живот постоянно полон.

— Ну ты и едок, — выдохнул Лу, откидываясь на спинку стула и поглаживая живот.

— Сегодня и правда переборщил, — согласился Янь Шань. Он тоже не мог нормально разогнуться и развалился на стуле. Помолчав, он небрежно спросил: — Слушай, у тебя сейчас как с деньгами? Нет трудностей?

— А что, если есть — возьмешь меня на содержание? — тихо рассмеялся Лу Цунбай. Но тут же добавил серьезнее: — У меня есть подработка, да и семья присылает на жизнь. Не волнуйся, я не в таком отчаянном положении, как ты думаешь.

Янь Шань с облегчением выдохнул:

— Ну и славно. А то я уже начал бояться, что ты голодаешь.

— Мне помогают Девятый дядя и люди из сообщества Цяоди, так что жить можно, — успокоил его Лу.

Когда они вышли из столовой, на улице ярко светило солнце. Теплый весенний ветерок, мягкий и влажный, ласкал кожу, навевая дремоту. Проходя мимо школьного участка, за который отвечал их класс, Янь Шань вдруг замер.

В глубине небольшого перелеска он заметил куст белой камелии. Цветы распустились так пышно, что он просто не мог отвести глаз.

— Стой, А-Цэ! Пойду гляну. Красота-то какая, надо обязательно зарисовать.

Не дожидаясь ответа, он схватил Лу Цунбая за руку и потащил в заросли. Лу, которого впервые в жизни кто-то так просто взял за руку, на мгновение выпал из реальности. В голове словно что-то коротнуло; он замер в растерянности, не зная, как реагировать, и в итоге послушно пошел за другом.

Камелия росла особняком, скрытая в тени больших деревьев. Лишь один луч солнца пробивался сквозь листву, подсвечивая белоснежные лепестки. Идеальный цветок, идеальный свет.

Янь Шань, не скрывая восторга, достал тетрадь, открыл чистую страницу в конце и принялся быстро набрасывать эскиз черной ручкой. Лу Цунбай подошел ближе и медленно опустил на корточке рядом. Подперев подбородок рукой, он наблюдал за тем, как сосредоточенно рисует друг. Делать было нечего, и в голову лезла всякая всячина.

«Какое там значение у камелии на языке цветов? Ах да... сдержанная, искренняя любовь».

«И когда она успела расцвести? Мы же недавно тут убирались, я и не заметил».

«Надо же, растет так далеко от тропинки, а Янь Шань всё равно увидел. Глаз-алмаз».

Лу Цунбай моргнул, отгоняя лишние мысли, и перевел взгляд на профиль друга. Янь Шань выглядел предельно серьезным. В его взгляде читалась жажда творчества — он рассматривал цветок с разных ракурсов, и сейчас для него не существовало ничего, кроме этого наброска.

«Неужели этот цветок настолько интересен?» — подумал Лу Цунбай, ощутив внезапный, едва уловимый укол ревности к белой камелии.

<http://bllate.org/book/17575/1712367>